

В. Е. ЩЕТИНКИН

ЭВОЛЮЦИЯ ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ИНДИКАТИВА ОТ ЛАТЫНИ К ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

Основой временной системы во французском языке, как и в других романских языках, является латинская система, претерпевшая в ходе эволюции глубокие качественные и количественные изменения. Процесс ее становления, равно как и причины имевших в ней место изменений, неоднократно были предметом специальных исследований и достаточно хорошо изучены. Не составляет исключения и так называемое будущее в прошедшем (условное наклонение). Достоверно известно, что форма *chanterais* берет начало от народнолатинской конструкции *cantare habebam*; этот факт не только констатируется¹, но и соответствующим образом интерпретируется². В одних случаях появление новой формы связывается с изменениями в плане выражения: совпадение в звучании пар типа *cantabit — cantavit* ведет к тому, что синтетическое будущее, к тому же «часто двусмысленное и во всех случаях маловыразительное для разговорной речи»³, исчезает, а образовавшаяся в морфологической системе брешь «закрывается» некоторыми модальными конструкциями, в частности, *cantare habeo*, которые переосмыслиются и получают временное значение. Поскольку, однако, модальный глагол сохраняет еще свою автономию, он может принимать форму прошедшего времени; так, возникает конструкция *cantare habebam*, которая и легла в основу романского будущего в прошедшем⁴. В других случаях причина реорганизации латинской системы усматривается в плане содержания, а именно в противоречивом характере перфективной формы *cantavi*: имея значение законченного настоящего, она могла восприниматься и как собственно прошедшее (претерит). Это привело к тому, что *cantavi* превратилось в форму выражения прошедшего, тогда как законченное действие, связанное с настоящим, стало выражаться перифразой *habeo cantatum*. В связи с этим развиваются и другие перифрастические конструкции, в том числе и *cantare habeo*, и производная от нее *cantare habebam*⁵. Оба эти объяснения основаны на реально наблюдаемых фактах и поэтому несомненно достоверны⁶.

¹ K. Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, II, Copenhagen, 1903, § 204; F. Brunot, *Histoire de la langue française dès origines à 1900*, I, Paris, 1924, стр. 86.

² A. Burger, *Sur le passage du système des temps et des aspects de l'indicatif, du latin au roman commun*, CFS, 8, 1949, стр. 31.

³ A. Meillet, *Esquisse d'une histoire de la langue latine*, Paris, 1931, стр. 263.

⁴ W. von Wartburg, *Évolution et structure de la langue française*, Berne, 1946, стр. 38—39.

⁵ A. Meillet, указ. соч., стр. 260—261; A. Burger, указ. соч., стр. 25—26.

⁶ Вряд ли можно в связи с этим серьезно относиться к утверждению Э. Косериу, который, отмечая материальную неустойчивость классического латинского будущего и характерную для народной латыни тенденцию к аналитическим выражениям, считает, тем не менее, что решающим историческим фактором образования перифрастического будущего было христианство. См.: Э. Косериу, *Синхрония, диахрония и история*, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 261.

Новая для латыни конструкция *cantare habebam* обнаруживает явную семантическую близость с конъюнктивом. С одной стороны, она употребляется в гипотетических фразах, обозначая действие, которое должно было совершиться, но не совершилось из-за отсутствия необходимого для этого условия: *Sanare te habebat deus si fatereris* «Бог тебя вылечил бы, если бы ты признался»⁷. В этом качестве новая форма, представляющая, по выражению Ф. Брюно, «время-наклонение», вытесняет в конечном счете конъюнктив из условных периодов⁸. С другой стороны, то временное значение следования за моментом прошлого, которое форма *chanterais* получает в романский период, тоже не было новым для латыни и могло выражаться имперфектом конъюктива: *Xerxes praemium proposuit qui invenisset novam voluptatem* «Ксеркс предложил награду тому, кто изобретет новое удовольствие»⁹. Но если и модальное значение гипотетичности, и временное значение следования за моментом прошлого выражались соответствующими формами конъюктива, то естественно возникает вопрос: почему стала необходимой эта новая форма? Вряд ли доказательно объяснение, которое сводится к ссылке на параллелизм в развитии конструкций *cantare habeo* и *cantare habebam*¹⁰: первая понадобилась для замены исчезающего синтетического будущего, тогда как вторая явилась совершенно новым образованием в структуре индикатива. Очевидно, что появление этой последней отвечало какой-то насущной потребности языка, которую уже не «устраивал» конъюнктив; анализ отношений между временными формами индикатива становится поэтому необходимым. Именно это и является предметом изучения в настоящей статье. Но прежде чем приступить к изложению вопроса, необходимо точно оговорить используемую здесь методику, ибо, как справедливо замечено, «реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого его определяют»¹¹. В работе используется метод оппозиций.

Тезис об асимметричности грамматической оппозиции, составляющий конструктивную основу метода¹², означает, что один из ее членов имеет узкое, другой — более широкое значение. Терминологически это выявляется тогда, когда для построения используются не контрарные термины типа «черный/белый», а контрадикторные. В этом случае природа сравниваемых объектов не меняется, но значение одного из них характеризуется уже не по связи с денотатом, а относительно другого, взятого за точку отсчета, например, «черный/нечерный». Очевидно, что если исследуемая система состоит из двух объектов, значение отрицательного члена оппозиции элементарно: так, «нечерный» может быть тождествен значению «белый». Если же число взаимосвязанных объектов более двух, отрицательный член исходного отношения не является уже элементарным, в нем возможно отыскать некоторый положительный (но иной, чем в первом отношении) смысл и построить по этому основанию еще одну идентичную оппозицию, например, «белый/небелый», описывающую смысловую структуру отрицательного члена исходного отношения. Теоретически такие

⁷ W. von Wartburg, указ. соч., стр. 39.

⁸ Детальный анализ процесса замены конъюктива формами индикатива см.: R.-L. Wagner, *Les phrases hypothétiques commençant par si dans la langue française, dès origines à la fin du XVIe siècle*, Paris, 1939.

⁹ С. И. Соболевский, *Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология*. Спбткис, М., 1950, стр. 225.

¹⁰ R.-L. Wagner, указ. соч., стр. 82—84.

¹¹ Э. Бенвенист, *Уровни грамматического анализа*, сб. «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 434.

¹² R. Jacobson, *Zur Struktur des russischen Verbums, «Charisteria G. Mathesio... oblata»*, Praeae, 1932, стр. 74; егo же, *Les embrayeurs, les catégories verbales et le verbe russe. Essai de linguistique générale*, Paris, 1963, стр. 185.

построения можно продолжать и далее; все зависит от числа выделяемых исходных понятий и способа группировки получаемых результатов. Ясно, что наибольшая простота описания достигается при ограничении числа исходных понятий двумя; при этом, однако, необходимо доказать возможность использования метода для описания систем, включающих большее число элементов, в частности, системы глагольных времен. Это становится возможным следующим образом. Значение предшествования, указывающее, что некоторый факт уже имел место в действительности, принимается за точку отсчета; ему противопоставляется значение непредшествования. Это последнее естественно включает в себя значения следования и одновременности; исходным следует признать значение следования, поскольку оно недвусмысленно определяется относительно отправного понятия предшествования, и в свою очередь противопоставить его значению неследования¹³. В образующейся системе: «предшествование/непредшествование», «следование/неследование» — значение одновременности не выражено, но определено в ней заложено. Дело в том, что набор составляющих систему элементов не исчерпывается одними положительными и отрицательными значениями; в ней возможно выделить, сверх того, значения, характеризующиеся сочетанием только положительных или только отрицательных признаков. Вообще говоря, их реализация не всегда обязательна. Так, в рамках рассматриваемой здесь проблемы, невозможно представить себе сочетание в одной форме значений предшествования и следования сразу¹⁴. Зато вполне мыслимо значение, которое не является ни предшествованием, ни следованием. Более того, оно реально: непредшествование и неследование относительно какого-то момента есть одновременность с этим моментом. Это означает, что понятие одновременности является производным значений и предшествования, и следования¹⁵; структурное описание одновременности предполагает поэтому наличие двух взаимосвязанных оппозиций¹⁶. Подобный ракурс представляет несомненную выгоду для исследователя: два исходных понятия не исключают других производных значений и обеспечивают в то же время максимальную простоту описания¹⁷. Следует также учесть, что описательные возможности

¹³ В. Я. Плоткин, Эволюция систем грамматических оппозиций в германских языках, «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков», М., 1972, стр. 114—115.

¹⁴ Соединение двух положительных характеристик, однако, принципиально возможно для других языковых объектов. Так, среднефранцузская конструкция *agee d'un trente cinq ans* «в возрасте 35 лет» (Кг. Н у г о р, указ. соч., V, Copenhagen, 1925, стр. 170) представляет собой соединение двух полярных маркировок — множественности и единичности (при условии, что несчисляемость описывается как немножественность и неединичность); так называемый обоюдный род румынского языка также объединяет в одной парадигме противопоставленные значения муж. и жен. рода.

¹⁵ Ср., однако: «...относительно-временная дифференциация разветвляется в первую очередь как различение предшествования и непредшествования; дальнейшее различение одновременности и предстояния происходит уже в рамках непредшествования» (И. М. Т р о н с к и й, Очерки по истории латинского языка, М.—Л., 1953, стр. 212). Очевидно, что здесь значения одновременности и предстояния (следования) квалифицируются как явления одного порядка, в равной мере производные от исходного понятия предшествования.

¹⁶ Это условие непременно; без него неясно, каким образом одна лишь бинарная оппозиция (предшествование/непредшествование) может описать иерархию из трех членов. Ср.: Л. И. Л у х т, Глагол, в кн.: «Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности», М., 1972; стр. 304 и сл.

¹⁷ Применение методики к романскому материалу см.: Н. Д. А р у т у н о в а, О системе времен в испанском языке, «Уч. зап. [ЛГПИ им. Герцена]», 317, 1971, стр. 26, 28; германский материал см.: В. Я. Плоткин, указ. соч., стр. 114 и сл. Заслуга эксплицитного введения в обиход научного анализа сочетания только положительных или только отрицательных признаков (дважды маркированного или немаркированного значения) принадлежит Р. Якобсону; см., например: R. J a c o b s o n,

метода расширяются и за счет того, что рассматриваемые понятия могут быть использованы для характеристики не только относительных времен¹⁸, но и абсолютных¹⁹; различие двух осей ориентации, т. е. изменение точки отсчета, не препятствует тому, чтобы охарактеризовать, например, одновременность с моментом речи или с моментом прошлого одинаково как непредшествование и неследование избранному моменту (что отнюдь не предполагает, разумеется, стирания принципиальных различий между абсолютными и относительными временами). Обратимся теперь к системе индикатива в классическом латинском языке.

Образующие латинский индикатив настоящее, прошедшее и будущее времена реализуются в двух рядах форм, причем формам несовершенного вида соответствуют параллельные перфективные образования²⁰; вся система строится так:

		Настоящее	Прошедшее	Будущее
I	Несов. вид	<i>canto</i>	<i>cantabam</i>	<i>cantabo</i>
	Сов. вид	<i>cantavi</i>	<i>cantaveram</i>	<i>cantavero</i>

Влияние фонетических изменений на реорганизацию системы, равно как и роль перфекта *cantavi* в ее перестройке очевидны, но, как будет показано ниже, другим не менее важным звеном в этом процессе был имперфект, который в тесной связи с перфектом (но в ином плане, чем об этом говорилось выше) сыграл решающую роль в появлении романской формы будущего в прошедшем. Речь идет о следующем.

Если оценить систему I в терминах предшествования и следования (а это оправдано с проспективной точки зрения), то оказывается, что формы несовершенного вида имеют полный «набор» временных характеристик: имперфект в качестве прошедшего времени выражает предшествование к моменту речи, футурум I — следование, а презенс — одновременность с этим же моментом речи. Поэтому система форм несовершенного вида может быть записана, в соответствии с принятой методикой, следующим образом:

II	imperfectum }	предш./непредш. }	praesens
	futurum I }	следов./неследов. }	

Формы совершенного вида такому описанию не поддаются, ибо все они выражают одно и то же временное значение предшествования: *cantaveram* относительно *cantavi* как формы законченного настоящего; *cantavi* же, но уже в качестве претерита, относительно *canto*; *cantavero* по отношению к *cantabo*. Смысловое соотношение перфективного будущего и будущего несовершенного вида остается тем же при переходе к романским языкам; статус же других перфективных форм заслуживает специального рассмотрения.

Очевидно, что после того, как видовая характеристика законченного настоящего, составляющая первоначальную суть формы *cantavi*²¹, перехо-

The gender pattern of Russian, «Studii și cercetări lingvistice», XI, București, 1960, стр. 541.

¹⁸ P. I m b s, L'emploi des temps verbaux en français moderne. Essai de grammaire descriptive, Paris, 1960, стр. 13, 188—189; И. Б. Хлебникова, Некоторые вопросы типологического сопоставления видо-временных систем, «Структурно-типологическое описание современных германских языков», М., 1966, стр. 72.

¹⁹ А. К. Гум, Verbe et adverbe, Uppsala, 1961, стр. 61, 62; Ю. В. Ваников, Опыт типологического анализа временных значений, «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969, стр. 203—204; В. Я. Плоткин, указ. соч.

²⁰ A. Meillet, указ. соч., стр. 152.

²¹ J. Perrot, Réflexions sur les systèmes verbaux du latin et du français, RLR, 72, 1956, стр. 145—146.

дит к перифразе *cantatum habeo*, форма *cantavi* закрепляется в языке в качестве собственно прошедшего. Тот факт, что смысловая структура *cantavi* получает значение прошедшего, означает, во-первых, что форма *cantaveram* утрачивает значение предшествования к моменту речи, которое она имела в ряду перфективных форм, и получает значение предшествования к моменту прошлого; во-вторых, что предшествование к моменту речи начинает выражаться и имперфектом, и перфектом, которые должны быть поэтому вписаны в одну и ту же «клетку» системы, т. е.

III	imperfectum	} предш./непредш.	} praesens
	perfectum		
	futurum I	следов./неследов.	

Но если имперфект и перфект равно обладают значением прошедшего (= выражают предшествование к моменту речи), они в равной мере должны противопоставляться плюсквамперфекту, выражающему предпрошедшее (= предшествование к моменту прошлого), т. е.

	imperfectum
plusquamperfectum/	perfectum

Однако, если противопоставление *cantaveram/cantavi* по признакам предпрошедшее/прошедшее реально, то отношение *cantaveram/cantabam* по этому же основанию невозможно, ибо не согласуется со все еще действующей корреляцией по виду, в рамках которой плюсквамперфект и перфект равно противостоят имперфекту²². Поэтому объединение имперфекта и перфекта как носителей семы прошедшего, допустимое относительно момента речи (форма *canto*), оказывается неприемлемым при соотношении с предпрошедшим действием (форма *cantaveram*), и это — несмотря на то, что иногда в речи имперфект может обозначать начало действия, что, казалось бы, создает необходимое условие для реализации значения предпрошедшего и относительно имперфекта. Равновесие в системе восстанавливается лишь тогда, когда имперфект интерпретируется как показатель одновременности с моментом прошлого: передавая неоконченное действие в прошлом, начало которого в большинстве случаев также не обозначено²³, имперфект выражает некоторый временной континуум, в который могут вписываться другие, «дискретные», прошедшие времена. Но в иерархии временных признаков одновременность, как уже говорилось, представляет собой сочетание отрицательных характеристик непредшествования и неследования относительно избранного момента и предполагает, следовательно, реализацию обоих исходных понятий. Попытка отождествить временные формы, выражающие положительные значения предшествования и следования относительно момента прошлого, приводит к любопытным результатам. Предшествование выражается при помощи плюсквамперфекта; для значения же следования специальной формы индикатива нет. Правда, есть так называемое перифрастическое спряжение. Подобно тому, как сочетание *scripturus sum* «я намерен писать» от выражения намерения²⁴, готовности совершить действие²⁵ может переходить к вы-

²² Впрочем, нейтрализация латинских видовых различий не делает противопоставление плюсквамперфекта и имперфекта по признакам «предпрошедшее/прошедшее» более реальным, как об этом свидетельствуют романские языки, в которых эта оппозиция также невозможна.

²³ Ср. следующую характеристику имперфекта во французском: «ни начало, ни конец действия не существенны для имперфекта как такового» (P. I m b s, указ. соч., стр. 90).

²⁴ С. И. Соболевский, указ. соч., § 756 а.

²⁵ А. Эрну, Историческая морфология латинского языка, М., 1950, § 317.

ражению будущего ²⁶, данное сочетание, включенное в план прошедшего (что сигнализируется соответствующими формами глагола *esse*), может переосмыслиться и переходить к обозначению будущего в прошедшем: в *scripturus fui (eram)* «я был намерен писать» причастие выражает значение следования за моментом прошлого, обозначенного вспомогательным глаголом. Однако нужно иметь в виду, что это спряжение всегда носило искусственный характер ²⁷, в народно-разговорную речь, видимо, не проникало ²⁸; само причастие на *-turus* было вневидовым образованием ²⁹ и резко противоречило четкому распределению глагольных форм между системами совершенного и несовершенного вида. Но дело не только в особенностях самого спряжения. Не менее важно то, что после того, как латинский инфинитивный оборот *credo hunc venturum esse* «я думаю, что он придет» заменяется личной конструкцией *credo quod venturus est* ³⁰, это сочетание может попадать в сферу действия конъюнктива, который — в соответствии с правилом согласования времен — выражает при необходимости значение следования по отношению к действию главного предложения, и, когда это действие относится к прошлому, берет на себя функцию будущего в прошедшем: *quaesivi quid acturus esse* «я спросил, что ты будешь делать». А поскольку проникновение конъюнктива в различные виды придаточных предложений (например, косвенный вопрос, относительные придаточные и т. д.) было одной из характерных черт развития латыни ³¹, следует признать, что основным, если не исключительным, средством выражения будущего в прошедшем в латинском языке был конъюнктив. Это значит, что квалификация имперфекта индикатива как показателя одновременности с моментом прошлого предполагает неизбежное обращение к конъюнктиву, т. е.:

IV	plusquamperfectum ind.	} предш./непредш. следов./неследов.	} imperfectum ind.
	imperfectum conj.		

Очевидно, что данная система, построенная не только на временных, но и на модальных характеристиках, противоречива. Стремление к ее гомогенности может означать только одно: устранение из нее конъюнктива и заполнение «пустой клетки» такой формой, которая, принадлежа индикативу, могла бы взять на себя функцию выражения следования относительно момента прошлого. Именно это и происходит в поздней латыни: конструкция *cantare habebam*, выражавшая первоначально долженствование в прошлом, была приспособлена для выражения будущего в прошедшем. Вовлечение этой конструкции в систему временных форм может, таким образом, рассматриваться как свидетельство потребности языка обозначить будущее в прошедшем средствами индикатива и представляет собой реакцию на своего рода «давление» системы. Грамматизация сочетания может рассматриваться как доказательство того, что значение одновременности с моментом прошлого окончательно утверждается как релевантный признак имперфекта, т. е.

V	plusquamperfectum }	предш./непредш.	} imperfectum
	<i>cantare habebam</i> }	следов./неследов.	

²⁶ Как отмечается по другому поводу, между *я хочу идти*, *я намерен идти* и *я пойду* большой разницы нет (там же, § 234).

²⁷ Там же, § 166.

²⁸ И. М. Тронский, Историческая грамматика латинского языка, М., 1960, § 489.

²⁹ Там же, § 491.

³⁰ Э. Бурсье, Основы романского языкознания, М., 1952, § 254 в.

³¹ И. М. Тронский, Очерки..., стр. 214.

Внимательный анализ построения дает повод для следующих суждений принципиального порядка. Первое из них касается характера перехода от видовых признаков к временным. Квалификация имперфекта как выразителя одновременности свидетельствует о том, что этот переход был реализован в полном соответствии с видовыми отношениями; это касается времен, соотносенных не только с моментом прошлого:

plusquamperfectum { сов. вид./несов. вид
предш./одновременность } imperfectum,

но и с моментом речи:

perfectum { сов. вид./несов. вид
предш./непредш. } praesens,

а также с моментом будущего:

futurum II { сов. вид./несов. вид
предш./непредш. } futurum I.

Данное обстоятельство не может не рассматриваться как конкретное проявление принципа экономии в морфологических изменениях.

Второе замечание связано с перфектом. Отсутствие этого времени в системе V объясняется тем, что его значение «точечного прошедшего» (*un passé ponctuel* ³²) не совместимо с понятием континуума, передаваемого имперфектом. Несомненно, что, обозначая некоторую точку в этом континууме, относящуюся к прошлому, перфект вписывается в него подобно тому, как момент речи вписывается в значение настоящего времени. Однако ни в том, ни в другом случае понятие момента, избираемого за точку отсчета, не покрывает значение формы, выражающей одновременность. Поэтому вряд ли методологически оправдано включение перфекта в один и тот же с имперфектом отрезок временной оси, как это происходит, например, с французским простым прошедшим ³³: это означает в принципе, что обеим формам приписывается одно и то же значение. Перфект служит ориентиром, относительно которого оцениваются значения других форм, но сам в рассматриваемой системе не представлен.

Нуждается, очевидно, в уточнении мнение (и это третье замечание), согласно которому грамматизация конструкции *cantare habebam* есть следствие более ранней грамматизации сочетания *cantare habeo* ³⁴. Независимо от того, в чем исследователь видит причину превращения конструкции *cantare habeo* в элемент глагольной парадигмы — в плане выражения, в плане содержания или в совокупном действии того и другого, существо вопроса остается тем же: новая форма имеет структурный статус исчезающей синтетической формы *cantabo*. Напротив, включение *cantare habebam* в систему глагольных форм связано не только с исчезновением перифрастического спряжения, но также и, может быть, главным образом, с потребностью системы найти форму индикатива для выражения значения, которое раньше передавалось конъюнктивом. Поэтому грамматизация *cantare habebam* отвечает не только формальным, но и структурным «запросам» системы и может рассматриваться как явление самостоятельное; мнение о производстве этой конструкции от *cantare habeo* оправдано лишь с точки зрения морфологии вспомогательного глагола.

³² J. P e r r o t, указ. соч., стр. 145.

³³ P. I m b s, указ. соч., стр. 186; A. K l u m, указ. соч., стр. 62.

³⁴ W. v o n W a r t b u r g, указ. соч., стр. 39; R.-L. W a g n e r, указ. соч., стр. 79 и сл.

Наконец, в-четвертых, нелишне отметить, что предложенное построение отличается целостностью и в плане выражения: родство флексий плюсквамперфекта и имперфекта в исходной системе I не нарушается и после «подключения» к ним *cantare habebam*. Это обстоятельство, видимо, было решающим при выборе именно данной конструкции предпочтительно перед перифразой *cantare habui*, которая бытовала в народной латыни на равных, надо полагать, основаниях с *cantare habebam*³⁵.

Итак, система позднелатинского индикатива, описываемая в терминах предшествования и следования, может быть построена следующим образом по отношению к моментам:

а) речи	б) будущего
$\frac{\text{perfectum}}{\text{cantare habeo}}/\text{praesens};$	$\text{futurum II}/\text{cantare habeo};$
в) прошедшего	
$\frac{\text{plusquamperfectum}}{\text{cantare habebam}}/\text{imperfectum}.$	

Разумеется, представленные здесь перифрастические формы на деле суть лишь комбинаторные (и, видимо, не столь частые) варианты синтетического будущего и имперфекта конъюнктива соответственно; устранение этих последних оправдано лишь методологически, с целью подчеркнуть романские свойства системы. Оборот *cantatum habeo*, также не представленный в системе, можно было бы вписать в одну «клетку» с перфектом; однако установить точную дату превращения его из настоящего времени, связанного с прошедшим, в прошедшее время, связанное с настоящим, трудно³⁶.

Естественно, что реорганизация структуры плана содержания, имевшая место при переходе к народной латыни, т. е. превращение перфективного настоящего в показатель прошедшести (вместо законченности к моменту речи), а имперфекта — в показатель одновременности с моментом прошлого (вместо предшествования к моменту речи) не могла не сказаться на речевой характеристике обеих этих форм. Это подтверждается на наш взгляд, следующими фактами из старофранцузского языка.

Известно, что в раннем старофранцузском простое прошедшее могло выполнять функцию имперфекта³⁷. Это объясняется тем, что после разрушения противопоставления между инфектными и перфектными основами обе формы стали выражать прошедшее действие без его видовой характеристики; совпадение их функций представляется как результат устранения лишнего звена (имперфекта) и совмещения значений обеих этих форм³⁸. Однако факт выбора именно перфекта для выражения значения и имперфекта остается при этом неясным: в условиях функционального сближения этих времен в поздней латыни и сохранения обеих форм во французском языке, за каждой из них нужно, видимо, признать равные возможности выражать значение другой формы. Думается, что изложенные выше изменения в организации временной системы индикатива позволяют дать

³⁵ Э. Бурсье, указ. соч., §§ 254 в., 257 б.

³⁶ Э. Бурсье, указ. соч., § 126 б.

³⁷ F. Brunot, Ch. Bruneau, Précis de grammaire historique de la langue française, Paris, 1956, стр. 376.

³⁸ Л. М. Скрябин, Из истории французской глагольной системы (Принцип экономии в морфологических изменениях), ФН, 1968, 1, стр. 29.

несколько иной ответ на вопрос о том, почему именно перфект принял на себя функцию имперфекта: после того, как последний перестает выражать предшествование к моменту речи (системы I, II) и переходит к выражению одновременности с моментом прошлого (система V), перфект остается единственной формой, выражающей предшествование в системе (III) времен, соотносенных с моментом речи, и в этом качестве обозначает не только законченное действие (функция собственно перфекта), но и незаконченное (функция имперфекта), что и послужило основой расширения смысловой структуры французского простого прошедшего.

С другой стороны, чрезвычайно редкое употребление имперфекта в раннем старофранцузском³⁹ не может не быть сопоставлено со столь же редким употреблением будущего в прошедшем⁴⁰. Учитывая, что будущее простое в тот же период употребляется без каких-либо ограничений, можно предположить, что различия в частотности двух генетически сходных форм связаны не только с некоторым отставанием в становлении временного значения в *cantare habebam* по сравнению с *cantare habeo*, но также, видимо, и с новизной структурной связи «будущее в прошедшем ↔ имперфект» в рамках системы V.

Нетрудно заметить, что приведенная выше структура позднелатинского индикатива перешла целиком и во французский язык. Как и в латыни, все времена индикатива в современном языке могут быть описаны в терминах предшествования и следования по отношению к моментам речи, будущего и прошедшего. Имевшие место при переходе к французскому языку изменения: замена латинских форм новыми (аналитическое предпрошедшее вместо латинского синтетического плюсквамперфекта; будущее предшествующее вместо футурума II), появление новых, неизвестных латыни форм (непосредственное предпрошедшее), уточнение значения некоторых унаследованных времен (ср. эволюцию простого прошедшего и имперфекта) реализуются в рамках тех временных отношений, которые сложились в поздней латыни.

Среди собственно французских (романских) инноваций в индикативе можно отметить лишь две: это появление оппозиции простое/сложное будущее в прошедшем и «подключение» к перфекту как носителю семы предшествования сложного прошедшего. В романских языках это последнее стало основным средством выражения значения предшествования к моменту речи. Но было бы, очевидно, неоправданным утверждение о том, что простое прошедшее не выражает значения предшествования: отсутствие связи с моментом речи, характерное для этой формы в современном французском языке, есть, видимо, факт нормы; подтверждением тому может служить параллельное использование обеих форм на письме⁴¹, а также употребление простого прошедшего в речи южной Франции⁴². С точки зрения структуры языка, обе формы могут рассматриваться как комбинаторные варианты, в которых реализуется одно и то же значение прошедшего и, значит, предшествования к моменту речи⁴³.

³⁹ F. Brunot, Ch. Bruneau, указ. соч., стр. 376.

⁴⁰ Первое зарегистрированное употребление этой формы относится к 980 г. (там же, стр. 378).

⁴¹ M. Cohen, Nouveaux regards sur la langue française, Paris, 1963, стр. 30—32.

⁴² J. Damourette, E. Pichon, Des mots à la pensée, Essai de grammaire de la langue française, V, Paris, 1911—1933, § 1704; F. Brunot, Ch. Bruneau, указ. соч., стр. 381; А. Доза, История французского языка, М., 1956, стр. 239.

⁴³ Ю. С. Степанов, Структура французского языка, М., 1965, стр. 82—83. Ср. способ описания сложного и простого прошедшего при помощи сем «контактность с моментом речи» и «дистантность с моментом речи» (Л. И. Лухт, указ. соч., стр. 311).

Сказанное позволяет сделать вывод о структурном тождестве позднелатинской и французской системы индикатива в целом. Последняя может быть представлена следующим образом (в тех же терминах предшествования и следования) относительно моментов:

а) речи	б) будущего
$\frac{\text{passé simple}}{\text{passé composé}} / \text{présent};$	futur antérieur/futur simple;
в) прошедшего	г) будущего в прошедшем
$\frac{\text{plusqueparfait}}{\text{passé antérieur}} / \text{imparfait};$	$\frac{\text{futur antérieur}}{\text{dans le passé}} / \frac{\text{futur dans}}{\text{le passé}}.$

В высшей степени примечателен тот факт, что, несмотря на глубокие изменения в системе форм, романские языки в обязательном порядке сохраняют все те времена позднелатинского индикатива, которые необходимы для обозначения понятий предшествования и следования по отношению к моментам речи, будущего и прошедшего, и обнаруживают в этом плане удивительную цельность. Так, во всех без исключения языках имеются формы настоящего времени, имперфекта, одного из прошедших, обоих будущих и обоих будущих в прошедшем. Формы сложного прошедшего в большинстве языков дублируются простым прошедшим; отсутствие последнего в сардинском и ретороманском не влияет на полноту реализации системы, соотношенной с моментом речи. При всем многообразии способов выражения значения предшествования к моменту прошлого (двумя формами — непосредственно предпрошедшим и предпрошедшим сложным — во французском, провансальском, итальянском, испанском и каталанском; двумя же формами — предпрошедшим сложным и предпрошедшим простым — в португальском; одной лишь формой — предпрошедшим простым — в румынском или предпрошедшим сложным — в сардинском и ретороманском) структурное отношение «предшествование/непредшествование» остается неизменным. Это не может не расцениваться как проявление высокой степени структурной общности романской системы индикатива.

Подведем некоторые итоги. Качественная эволюция временной системы индикатива при переходе от классической к народной латыни заключается прежде всего в становлении новых структурных отношений между отдельными элементами системы. Основным звеном изменений в латыни было переосмысление значений перфекта и имперфекта и появление в связи с этим структурно новой формы будущего в прошедшем. Последующие изменения, имевшие место на «участке» от народной латыни к французскому языку, касаются (за исключением оппозиции двух будущих в прошедшем) уточнения значения отдельных форм или создания новых, но в рамках позднелатинской структуры.